

Татьяна ЮРИНА
г. Новокузнецк

Белый Старик

повесть

Клубника была особенно хороша у Юсупихи — худой жилистой старухи, жившей по соседству. Ах, как пахли ягоды где-то совсем близко — за заборчиком! Да и заборчик-то — одно название: редкие штакетины, прибиты как попало — вкривь и вкось. В одном месте просвет между ними как раз такой, что можно просунуть голову, а уж если голова пролезла, то и всё тело протиснется — это вам любой пацан подтвердить сможет, надо только развернуть плечи и бочком-бочком...

Словом, когда бороться с искушением стало совсем уж неважно, подговорил Юрка друзей-приятелей Стёпку с Мишкой к Юсуповым в огород слазить — вместе не так боязно. Протиснулись пацаны в щель, то и дело оглядываясь, присели над грядкой и начали торопливо пожирать сладкую ягоду. Да вскоре так увлеклись, что о бдительности совсем позабыли.

— Ах, вы, поганики рябые! Вот я вас! Совсем стыд потеряли, — вернул к действительности визгливый Юсупихин голос.

Стёпка с Мишкой метнулись к забору. Юрка сперва помедлил, чтобы отвлечь внимание на себя и дать пацанам уйти. А потом то ли от жадности, то ли от какой-то непонятной бравады начал демонстративно рвать и медленно есть, смачно причмокивая, истекающие соком вкуснящие ягоды. «Успею, — самонадеянно думал он, глотая сочную мякоть, — она вон как медленно ковьялет». Когда от бабки до мальчишки осталось всего три шага, он прыгнул к некрашеному деревянному забору. Просунул голову в заветную щель, попытался развернуть плечи и... То ли впопыхах сунулся не в ту дырку, то ли сильно и резко стал разворачиваться, но только застрял так, что ни туда ни сюда. Голова и плечи по его сторону забора, а всё остальное — у соседей, хоть плачь.

«Не успел, милоч? — раздался прямо над ухом вкрадчивый голос. — Вот я тебя сейчас!» — ласково приговаривала Юсупиха.

С ужасом осознавая, что она рвет растущую тут же, вдоль забора, крапиву, Юрка несколько раз судорожно дёрнулся, но тщетно. Юсупиха медленно, со знанием дела стянула штаны с щуплой пацаньей задницы, так некстати застрявшей на её территории, и слегка приложила крапивным венником. От резкой боли и обиды мальчишка рванул что было сил и под жалобный треск старого хлипкого забора оказался уже в своём огороде. Юсупиха безнадежно отстала. Решил остановиться и Юрка. И тут только обнаружил, что в пылу вынес собой секцию городьбы¹ и бежал вместе с ней, а его голый, начавший краснеть и чесаться от крапивы зад всё ещё торчал в заборе, как в какой-то раме. Стёпка и Мишка от хохота повалились на землю, покатались по траве, дрыгая ногами, и отделять Юрку от забора даже и не подумали. Бабка Юсупиха — надо отдать ей должное — по чужому огороду не пошла, постояла в задумчивости в открывшемся проёме и, что-то бормоча себе под нос, удалилась.

Вечером, когда дед пришёл с работы и, блаженно вытянув уставшие ноги под столом, хлебал горячий борщ, на пороге появилась Юсупиха. Бабушка услужливо пододвинула ей стул, приглашая садиться. Старуха отказалась.

— Забор когда чинить будете? — сурово говорила гостя.

Дед удивлённо вскинул рыжие лохматые брови.

— Да Юрка ваш поломал... — мстительно продолжала соседка.

Дед молча перевёл взгляд на внука.

— Когда ягоды воровал... — не унималась вредная старуха.

— Господи, да что вам, своих мало? — всплеснула руками бабушка. — Что за дети такие? Вот наказание господне!

— Безотцовщина. Что с него взять? — язвительно прошелестела Юсупиха.

После ужина была большая порка. Юрку по роли за сладкую ягоду и сломанный забор, а старшую сестру Галину — за то, что целовалась

вчера с Валеркой Юсуповым, а его вездесущая бабка их застучала.

Вообще, дед порол внуков часто, почти каждый день, но они не обижались — понимали: за дело, но и с собой сладить не могли — то на речку без спросу убежали, то в соседский сад за яблоками лазали.

Когда Юрке исполнилось тринадцать лет, он пошёл с Мишкой и Стёпкой в туристский кружок. Дед к этому времени уже умер, лежал на кладбище рядом с мамой. Сестра Галина выскочила замуж и переехала в другой город. Бабушка с внуком жили теперь вдвоём.

Услышав про кружок, бабушка поворчала было: «Не к добру этот ваш туризм-альпинизм». Но потом как-то устало вздохнула и смирилась.

— Всё лучше, чем по чужим огородам лазить, — рассудила она и неожиданно добавила: — Пошёл-таки по папиным стопам...

— Что ты имеешь в виду? Кем был мой отец? И отчего умерла мама? — начал Юрка тормозить бабушку, засыпав ее давно мучившими его вопросами.

Почему-то в семье об этом никогда не говорили, все расспросы пресекались. И вот теперь бабушка случайно обмолвилась. Спицы в её руках замедлили ход и остановились.

— Гора забрала, — неохотно ответила бабушка после некоторого молчания.

— Как это? — удивился внук.

— Твой отец нарушил древний запрет и пошёл на Гору, — сказала бабушка, и Юрка затаил дыхание.

— Гора — это пристанище древних богов, — с какой-то незнакомой интонацией непонятно заговорила бабушка, отложив вязание.

Она будто воспроизводила по памяти давно заученный текст:

— Под страхом смерти никто не смеет восходить на неё. Когда я была ещё маленькая, старики говаривали, что жил в старину большой дракон. Много горя причинил он людям. Но вот однажды пролетал дракон над нашей Горой и нашёл свою смерть от птицы. Белый Старик,

¹ Городьба — ограда из горизонтальных жердей, которые зажаты парами кольев; ограда или забор.

свидетель прошлого и поручитель будущего, выпустил её. Нам и смотреть на Гору нельзя, — бабушка надолго замолчала, опять быстро замелькала спицы.

— И что отец?.. — робко напомнил мальчик.

— Твой отец нарушил древний запрет и пошёл на Гору. Пошёл на Гору и не вернулся, — повторяла она, глядя затуманенным взглядом куда-то вдаль. — Гора забрала его... Белый Старик...

Последние слова были едва слышны. Бабушка сидела с закрытыми глазами и бормотала что-то уже совсем неразличимое.

— А мама? — настойчиво спросил Юрка.

Бабушка вздрогнула, как-то странно посмотрела на внука из-под опущенных век и, подхватив укатившийся клубок, сказала:

— Вот что, внучек, давай-ка спать, поздно уже!

Юрка не очень понял тогда из бабушкиного рассказа тайну родителей и что их связывает с древним преданием, но больше не смог выпытать никакой информации, как ни старался.

Несмотря на запрет, он часто глядел на сверкающие вдали три вершины Горы. Они казались то тремя стражниками со щитами, от которых отражалось солнце и больно слепило глаза, то громадной трезубой короной на голове невидимого исполина, возвышающегося над всей горной страной. Эти вершины завораживали, притягивали взгляд, не смотреть на них было никак невозможно. «Вот вырасту — и приду к тебе, Белый Старик», — поклялся мальчик.

* * *

Никто не ожидал, что Шпигель пойдёт на какую-то Гору. Никто не думал, что человек, за плечами которого больше двадцати восхождений на все значимые вершины мира, «матёрый волчище», как его называли, человек, благополучно взошедший на три восьмитысячника, полезет на этот «бугор» высотой всего каких-нибудь четыре километра! А он думал... Он всегда думал о Горе — всегда, сколько себя помнил.

Ещё мальчишкой он видел, что каждый раз, когда чуть всходило солнце и прикасалось своим первым лучом к равнодушным горам, трёхглавая красавица начинала ослепительно сиять

в вышине, разливая волшебный свет вокруг. Этот свет всегда магически манил его, определил его профессию, судьбу... Виктор был студентом, когда, удачно оказавшись в составе одной из экспедиций, сразу попал в струю. Его стали приглашать на сборы и чемпионаты по альпинизму, где требовалась видеосъёмка в экстремальных ситуациях. Объехав почти полмира, Шпигель взошёл на все горы, которые были ему интересны, стал известен как оператор, создавший уникальные фильмы о горных вершинах, а заодно заработал уверенность в себе и славу альпиниста, которому всегда везёт. У него было всё: любимая работа, деньги, семья. Жена родила девочку и мальчика — даже здесь ему повезло: у всех его друзей рождались либо одни пацаны, либо девки. Он воспринимал свою удачливость и свои победы как данность, как нечто само собой разумеющееся. Он всегда ощущал себя победителем.

После восхождений на восьмитысячники подъем на четырёхкилометровую Гору не представлял уже для него никакой технической сложности. Да и нет в ней ничего особенного, но её свет, поразивший когда-то детское воображение Виктора, не отпускал. Белый Старик, как ещё называлась Гора в древней легенде, которую он уже и не помнил толком, занозой торчал где-то в глубине сознания.

Однажды по холодам, в перерыве между большими экспедициями, Шпигель решил прогуляться по своим местным горам, взобраться, наконец, на этот пупырь — выдернуть надоевшую занозу. Собрать группу не составило труда: всегда найдутся люди, которых не могут удержать дома ни работа, ни семья. Люди, которые когда-то в первый раз пошли в горы, пытаются что-то доказать себе или другим, а потом втянулись, подсаживаются на адреналин. Организм требует еще и еще — риска, опасности, остроты ощущений. Серёга, с которым в прошлом году Шпигель был на Памире, согласился сразу, как только услышал, что Шпигель спланировал подъем на Гору по самому опасному альпинистскому маршруту. Друг Николай, врач по профессии и бродяга в душе, был сейчас в отпуске и с радостью ухватился за возможность удрать с дачи,

где он изнывал под присмотром жены и тёщи. Да племянник Данила давно просился в горы. Немного поколебавшись — у племянника было маловато опыта, — Виктор взял и его.

Из базового лагеря вышли затемно. Идти трудно: ноги, обутые в массивные горные ботинки, то и дело проламывали твердый наст и проваливались по колено. Сильные порывы ветра срывали с горы крупные кучья снега, которые внизу рассыпались обжигающими лица ледяными брызгами. Ветер толкал в грудь, отбрасывая восходящих назад. Мешали продвижению большие и маленькие обломки льда, вмёрзшие в поверхность снежного поля. Огромные глыбы приходилось обходить, отклоняясь от маршрута, — они были настолько велики, что загораживали Гору, голубоватыми айсбергами возникая на пути. Гора будто сопротивлялась, не подпускала к себе.

Через три часа подошли, наконец, к ледовой стене, круто уходящей вверх на тысячу метров. По плану нужно было подняться на эту стену, потом, миновав ещё одно снежное поле, выйти на гребень и уже траверсом по нему пройти поочерёдно все три вершины Горы. Вроде бы всё как обычно. Опасно, конечно, но для них это вполне привычное дело, отработанное многими восхождениями до предела. И в этот раз всё шло как всегда.

Связались двойками и, надев кошки², начали подъём. Быстро, но без суеты Шпигель поднимался на двух ледорубах³ по почти вертикальной стене. Расчищая от снега место под ледобуры⁴, с силой вворачивал их в жёсткий лёд, организуя страховочные станции и промежуточные точки страховки, навешивал верёвки. Изредка поглядывая вниз, Виктор отмечал, что группа работала чётко и, страхуя его снизу, уверенно поднималась вслед за ним.

Ветер стал тише, но время от времени его порывы раскачивали зависших над пропастью альпинистов, засыпали снегом верёвки, сыпали на каски ледяную крошку, отлетающую от ледоруба Шпигеля.

— Берегись! — негромко крикнул он.

От монолитной глыбы льда откололась линза и с грохотом покатила вниз. Виктор оглянул-

ся. Обломок с острыми краями, весом килограмма в три, набирая скорость, нёсся прямо на его друзей. Он пролетел в десяти сантиметрах правее Серёги, отскочил от ледового выступа, мелькнул над головой Коляна, ударился о стену рядом с Данилой, потом изменил траекторию, по невидимому с высоты жёлобу свергся вниз и скрылся в облаке снежных брызг.

«Пронесло!.. Опять пронесло!» — с облегчением подумал Виктор. Он огляделся. Группа альпинистов поднялась уже на приличную высоту и находилась в самом узком месте ледника, стиснутого по бокам скальными отвесами. До верхнего края стены оставалось ещё несколько сотен метров льда. Видимость между порывами ветра, сдувавшего с горы снежную пыль, была переменной. Задерживаться здесь становилось опасно — неизвестно, к чему могли привести эти перемены, и Шпигель продолжил подъём.

Проработав на стене ещё несколько часов, альпинисты выбрались на ровную площадку. Здесь можно было передохнуть, укрывшись от ветра за большим скальным выступом. Ребята достали из рюкзака газовую горелку, быстро организовали чай с шоколадом и орехами — нужно было подкрепиться перед последним решительным броском по гребню.

«Я иду к тебе, Белый Старик!» — взволнованно думал Шпигель, закуривая. Он сел на припорошенный снегом камень, с наслаждением вытянул ноги, прижался спиной к скале, прикрыл глаза. Пока всё шло по плану. Ледовую стену — самый опасный участок — прошли удачно. Вспомнив о сорвавшемся вниз обломке льда, Виктор поморщился. Но ведь обошлось же! «Сейчас обогнём скалу, пересечём снежник и выйдем на гребень — а там до вершины рукой подать! С погодой тоже пока — тьфу-тьфу! — везёт...» — размышлял он.

Шпигель открыл глаза, глянул вниз. Прояснилось. Солнце, которое находилось сейчас где-то за скалой, приютившей альпинистов, освещало всё вокруг каким-то удивительным,

² Альпинистская кошка — насадка на ногу для передвижения по льду или плотному снегу.

³ Ледоруб — особый альпинистский топорик для колки льда во время восхождения.

⁴ Ледобур — инструмент типа сверла для бурения льда.

очень ярким светом. Шпигель достал видеокамеру. Белый снег, голубоватый лёд, черные скалы, яркое, синее небо — изображение в видеискателе было поразительно чётким, графически контрастным. Навёл камеру на ребят: Серёга дремлет, навзничь повалившись на рюкзак, Колян смазывает кремом обожженное солнцем лицо, а младший, Данила, которому недавно исполнилось девятнадцать лет, с блаженной физиономией дожёвывает шоколадку. «Пацан», — тепло подумал о племяннике Виктор.

— Ну что, пора! Пойдёмте, ребята! Надо идти, пока солнышко светит, — поднялся Виктор. Когда обогнули скалу, взору открылось широкое белое поле, которое здесь было относительно пологим, а правее круто поднималось к одной из вершин трёхглавой Горы. Отсюда были хорошо видны все три вершины, выстроенные полукругом, очень похожим на зубчатую корону, которая венчала всю горную страну. Белоснежная корона ослепительно сияла в синем небе. Даже в солнцезащитных очках смотреть на неё было больно глазам. Но Шпигель жадно смотрел на Гору, не в силах отвести глаз. «Иду к тебе, Белый Старик!» — ликуя, повторял про себя он.

Тяжёлые ботинки пробуксовывали в рыхлом снегу, но Шпигель как одержимый нёсся вперёд, лишь изредка досадливо оглядываясь на своих приотставших товарищей. Он быстро взобрался на кучу сбитшегося снега, преградившую путь. Машинально отметил про себя: недавно сошла лавина — обычное дело в горах! Вдруг его взгляд привлекло нечто, выбивающееся из общей картины. «Что это? Палатка? Человек? Ничьих следов мы не встречали», — пронеслось в голове. Шпигель ускорил шаг.

Человек сидел, скрестив ноги и воздев руки к небу. Длинные волосы, похожие на паклю, были перехвачены грязным шнурком, обгоревшая на солнце кожа лица полопалась и свисала клочьями, из-под которых проглядывали ярко-розовые участки. Одежда тоже представляла собой неопределённого цвета лохмотья, из правого башмака, перехваченного тряпкой, торчал черный палец. Из вещей — лишь старая холщовая сумка через плечо.

— Эй! — позвал Шпигель.

Нелепое существо устремило на него красные воспалённые глаза.

— Вы мне помешали! Уходите! Ворота вот-вот появятся...

— Ишь ты! — удивился Виктор. — Помешал делать — что?

— И какие ворота? — с любопытством спросил подошедший Данила.

Станный человек, сожалея о том, что в его одиночество вторглись посторонние, нехотя ответил:

— Я ишу Шамбалу! — а потом быстро заговорил, переводя горящий взгляд с одного на другого: — Таинственный земной рай, обитель мудрых старцев, загадочную страну бессмертия и справедливости! Источник счастья человечества!

— А почему вы его именно здесь ищите? Где-нибудь пониже нельзя? — продолжал допытываться Данила.

— Вы думаете, я сумасшедший? Ошибаетесь, молодой человек! Я уже нашёл край ослепительного света, затмевающего блеск солнца, нашёл я и священную Гору, — человек махнул рукой в сторону вершины, до которой Шпигелю с его спутниками оставалось пройти совсем немного.

— Что, и на вершине были? — спросил Сергей.

— Представьте себе, был! На всех трёх! Испил таинственную влагу знаний, но там Заветные врата не открылись. Они где-то здесь, и если бы не вы...

— Так, ладно, — прервал Шпигель словесный поток. — Каким путём ты сюда поднялся?

— Я пришёл оттуда, — показал незнакомец за Гору.

— Ясно. Там, — пояснил Виктор товарищам, — склон более пологий. В принципе, там возможно подняться и без снаряжения.

— А спускаться как будешь?

Незнакомец опять начал быстро-быстро говорить, размахивая руками, что-то о таинственных воротах, ведущих к неземному блаженству, потом надсадно закашлялся и замолчал.

— Ну, что думаешь? — спросил Шпигель у Николая.

— Маниакально-депрессивный психоз, ги-

пермнезия, сочетающаяся с необоснованным оптимизмом; обширный ожог кожных покровов; судя по кашлю, что-то с лёгкими; и ногу пока не смотрел, но очень не нравится мне этот чёрный палец!.. Есть хочешь? — спросил Николай у своего странного пациента, открывая банку тушёнки. Тот с жадностью набросился на еду, доставая куски мяса и жира руками, не дожидаясь, когда дадут ложку.

— Мы же не оставим его тут? — робко задал вопрос Данила.

— А чем мы, собственно, сможем ему помочь? — проговорил Серёга. — Там, куда он направляется, без снаряги, да ещё в таком состоянии, ему не спуститься. На Горе он уже был, с нами не пойдёт, да и смысла не вижу тащить его с собой.

«Ох, как некстати!— думал Шпигель. — Когда Гора совсем рядом... Вот она — буквально час идти, — бросил он взгляд на Гору. — Всю жизнь шёл к ней, всё так удачно складывалось — и вот, нате вам! Шамбалу он ищет! Видали мы таких...»

— Из-за двух таких искателей счастья два года назад у знакомых ребят восхождение сорвалось. Год готовились, всё тщательно спланировали, а вместо восхождения занимались спасательными работами, с горы придурков снимали, один умер уже во время спуска, — вслух сказал он. — Ясно, что и этот, — кивнул он на бомжеватого искателя, — прямой кандидат в жмурики!

— Что делать будем, командир? — спросил Серёга.

Виктор ещё раз взглянул на Гору. «Ну не могу я уйти отсюда несолоно хлебавши! — подумал он. — Где она, справедливость? Почему из-за этого, — брезгливо покосился он на бомжеватого, который, всё так же сидя на снегу со скрещенными ногами, начал теперь раскачиваться вперёд-назад, — должны рухнуть мои планы?...»

— Можно было бы его спустить вниз, по стене, — рассуждал Шпигель вслух, — но вчетвером нам не справиться. А если вести с собой вверх по гребню, он идти дня два будет, если сможет, конечно. Если придётся нести, то и ещё больше. Он не выдержит...

— В горах любая болезнь прогрессирует быстрее. У него тридцать девять, на этой высоте с такой температурой он может протянуть максимум сутки, — подтвердил Николай, пря-

ча градусник, и вопросительно уставился на Шпигеля.

— Нужен вертолёт, а связи со спасателями у нас нет, — сказал тот. — Выход один — быстро подниматься по гребню, как и планировали, потом пройти траверсом все вершины, но вместо ночевки под третьей вершиной продолжать спускаться по гребню всю ночь, тогда к утру должны выйти к базовому лагерю. Коля, бери лекарства — обезболивающие и от температуры... Ну, ты лучше знаешь какие... Все бери... Данила, выдай им ещё банку тушёнки, сухарей... Ты, Коля, доктор. Ты останешься с ним. Без тебя он через два часа загнётся. А утром прилетит вертолёт. Снимет вас. Палатку возьми. Укроешься с ним... Нам она при таком раскладе только лишний груз. Спальники на всякий случай возьмём с собой, мало ли что... Ты свой забирай. Ну всё, двинули! Солнце скоро садиться начнёт. Ты тут подумай, чем махать будешь, когда вертолёт прилетит. Всё, пошли, времени у нас мало, — твердо добавил он и, не глядя Николаю в глаза, начал надевать рюкзак.

— Сигарет, сигарет дайте, — вдруг отчаянно завопил им вслед бомжеватый.

— Надо же, оказывается, и тебе ничто человеческое не чуждо! — Виктор уже на ходу бросил ему пачку сигарет и стал стремительно удаляться.

Вышли на гребень. Связавшись одной верёвкой (впереди — Шпигель, за ним на скользющем карабине — Данила и замыкающим — Серёга), устремились к первой вершине.

— Ну, здравствуй, Белый Старик! — Шпигель выскочил на укрытую снегом довольно широкую площадку, снял рюкзак.

Вскоре подошли остальные. Данила разломил плитку шоколада. Серёга достал фляжку с коньяком, пустил по кругу. Все сделали по глотку. Шпигель снял на камеру вершину, своих друзей на ней, вид, открывшийся им сверху. Последний, конечно же, был великолепен. Вся горная страна лежала у ног восходителей. Отроги Горы, перевалы и ущелья, ледники с вытекающими из-под них тоненькими ниточками горных речек — всё это находилось далеко внизу. И даже огромные ватные

ключья облаков изредка проплывали значительно ниже того места, где они сейчас стояли.

Данила со шенячьим восторгом бегал кругами, широко раскинув руки, и кричал:

— Я выше облаков! Я птица! Я сейчас полечу-у-у!

Сергей с восторгом обозревал окрестности, щёлкал фотоаппаратом.

Шпигель прислушался к себе. Его мечта наконец осуществилась. Гора, которая всю жизнь манила его волшебным светом, — вот она. Он стоит сейчас на Горе, на которую мечтал подняться с самого детства, из-за которой покорил десятки других гор. И вот он здесь. И что? Тщетно Шпигель пытался найти хоть какой-нибудь отклик в своей душе. Не было ни радости, ни восторга. С недоумением он понял, что не чувствует абсолютно ничего. Пустота. Зачем всё это? Виктор помотал головой, стараясь стряхнуть с себя оцепенение. «Наверное, это из-за тех, внизу, — подумал он. — Да, с Колей неудобно получилось. Из-за этого хрена Коля на вершину не попал...»

— Пора! — решительно сказал он товарищам, берясь за рюкзак.

* * *

«Туризм-альпинизм», как говорила бабушка, Юрка не бросил даже после института. Так, ничего серьёзного: несколько сезонов в альплагере, несколько восхождений. Потом неподалёку от их посёлка построили горнолыжную трассу. Уговорив Стёпку с Мишкой попробовать прокатиться, Юрка пропал. Во-первых, на трассе он увидел Катю, будущую жену. Она ласточкой летала по склону, оставляя позади многих пацанов. А во-вторых, Юрке и самому понравилось. Отныне все выходные, с Катей или без, он проводил на трассе, учился.

Накануне двадцатипятилетия его посетила безумная идея — спуститься в день рождения на горных лыжах с Горы — с той самой, про которую ещё бабушка в детстве рассказывала. Экстремальный спуск, так сказать...

Эта идея так прочно застряла в Юркиной голове, что он начал всерьёз готовиться. Купил

лучшие, какие только нашел, горные лыжи с креплениями новейшей конструкции, подговорил Стёпку с Мишкой — вместе не так боязно. Друзья-приятели согласились только помогать при подъёме, на экстремальный спуск Стёпка не пустила беременная жена, а Мишка горнолыжником так и не стал. Так что спускаться Юрке предстояло в гордом одиночестве. Нужно было только найти какого-нибудь опытного проводника, который помог бы подняться по отвесной ледовой стене, а уж оттуда... «Эх! Прокачусь!» — мечтал он.

В базовом лагере у подножья Горы сказали, что пока ещё никто не спускался отсюда на лыжах, эта затея — безумная авантюра и полный бред. Ну, а вообще, как говорил какой-то парень с базы, есть один человек, способный помочь осуществить этот, как он выразился, бзик. Но далеко не факт, что тот согласится...

Ребята решили разузнать об этом таинственном человеке поподробнее.

— Его у нас называют по-разному: Зеркальный Дед, Белый Старик. Настоящего имени его уже никто не помнит, — говорили спасатели. — Сам он с бо-о-льшими странностями — живёт отшельником неподалёку отсюда. Ни с кем не общается. Но на Горе каждый камень знает как свои пять пальцев, каждый ледник чувствует как любимую женщину. Сколько раз помогал нам спасать заблудившихся альпинистов... Безошибочно на след выходит...

— И давно он тут? — поинтересовался Мишка.

— Да уж лет двадцать, наверное.

— И что, у него никого нет? — спросил Юрка.

— Родных, что ли? Да кто его знает? Говорят, что давным-давно он водил на вершину группу. То ли три, то ли четыре человека. Вернулся он один, седой совсем, хоть и не старый тогда был. Разбирались тогда с ним долго... Вроде даже сидел он... Точно никто не знает. Не было его долго. Лет через пять после того случая снова здесь объявился, с тех пор и живёт в тайге, на зимовье, километрах в десяти отсюда.

— Н-да!.. Мутный старикан... Подумай, Юрка!.. С таким свяжешься... — предостерег Стёпка.

— Фигня! Лишь бы согласился! — усмехнулся Юра. — А как его найти?

— Да по рации вызовем — сам придёт, — весело сказал спасатель, который явно обрадовался случаю развеять скуку межсезонного затишья.

Через день худой высокий старик с длинными седыми волосами появился у спасателей.

— Это который тут на лыжах с Горы собрался? — спросил он, шевеля лохматыми белыми бровями.

Кандидат в герои вышел вперёд и дурашливо поклонился:

— Это я, дедушка!

— Ишь ты, внучок нашёлся! Не гляди, что седой, не такой уж я и старый. Как звать-то тебя?

— Юркой. А вас как?

— А фамилия? — проигнорировал вопрос старик.

— Фамилия моя Шпигель. Юрий Викторович Шпигель, — чётко отрапортовал будущий герой и, видя, что старик напряженно молчит, добавил:

— По-немецки «шпигель» означает «зеркало». А к вам как обращаться? — Старик на секунду замешкался, впившись в собеседника цепким взглядом, и вместо ответа спросил:

— А кто твои родители? — продолжал допрашивать пришелец.

— Родителей своих не помню. Воспитывали меня дед с бабушкой. А какое это имеет значение? — ошетинился Юрка.

— Братья-сёстры есть?

— Есть сестра Галина, с мужем в Германию недавно уехала. А при чём тут это? К чему все эти вопросы? — юноша начинал закипать.

Белый Старик, или как там его, помолчал, всё так же пристально глядя в его глаза, спросил:

— Ну, а с какой точки Горы ты планируешь начать спуск?

— Думаю, с самого верха ледника, а вы что посоветуете?

Старик что-то прикинул в уме и произнёс:

— А я думаю, начинать надо чуть ниже. Там в самом узком месте стены есть крохотная площадка. Рядом скалка выступает — притулиться будет куда, закрепиться, а уж оттуда... Если не передумаешь, конечно...

Потом в течение часа шло обсуждение технических подробностей предстоящего мероприятия. За этот час Юра убедился в том, что Белый

Старик не только вполне адекватен, но настоящий профи. Старик выяснил, какой альпинистский опыт имеется у каждого, внимательно рассмотрел снаряжение и, распределив обязанности, дал несколько толковых советов относительно подъёма. Признаться честно, где-то в глубине души Юра сильно сомневался, что затея получится. Из разговора со Стариком понял, что всё ещё гораздо сложнее, чем он себе представлял. Но при этом решимость юноши каким-то непостижимым образом не только не уменьшилась, но и возросла.

Напоследок Старик скомандовал:

— Ладно, готовьтесь. Завтра в четыре утра выходим.

Утром, попрощавшись со спасателями, двинулись в путь.

С Горы дул сильный ветер. Он сёк лицо и толкал в грудь, пока восходители пересекали большое белое поле, из которого торчали, словно бутылочные осколки, обломки льда. Ветер с остервенением срывал с горы снежные вихри и кидал их на людей, когда они приближались к ледовой стене.

Старик, шедший первым, поджидал чуть отставших ребят, насмешливо глядя из-под запорошенных снегом бровей.

— Ну что, цурипопики, испугались? Ещё не поздно повернуть назад...

— Мы что, мы люди маленькие... — протянул Мишка и кивнул на Юру.

— Решай сам, Юрка, — добавил Степан, доставая видеокамеру.

Старик мельком взглянул и отвернулся, закурил, чтобы не сконфузить взглядом, если вдруг «герой» передумает.

Юра слегка поёжился от холодка, пробежавшего по спине, но недрогнувшим голосом заявил:

— Я давно уже всё решил!

— Добро! — коротко бросил Старик. — Одевайтесь!

Достали из рюкзаков верёвки, облачились в специальное снаряжение.

Старик в это время показывал Степану место, откуда лучше вести съёмку, напомнил про штатив, что-то посоветовал насчёт экспозиции.

— Вы и это знаете?! — Стёпкиному удивлению не было предела.

Старик, по своему обыкновению, опять не ответил.

— А почему вас называют Зеркальным Дедом? — неожиданно для себя выдал Юра.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — мрачно отрезал Старик.

Юрка и не обиделся, он не рассчитывал на ответ.

Потом Старик повернулся к Мишке, испытующе посмотрел на него и сказал:

— Вот что. Ты, парень, я вижу, особым желанием лезть туда, — кивнул он вверх, — не горюшь. Ну так и оставайся здесь. Помогай Степану. Фотоаппаратом пощёлкай... А мы и вдвоём справимся. Зачем ради чьей-то причуды лишней жизнью рисковать? Или она у тебя лишняя? — криво усмехнулся он.

— А как вы потом один спуститесь? Кто вас страховать будет? — испугался Юра.

— Молча. Спускаюсь как-нибудь.

— Вам видней, — пролепетал Мишка, в голосе которого послышалось облегчение.

Старик тщательно оглядел напарника, проверил, застёгнуты ли муфты карабинов. Юре стало смешно: что он, маленький, что ли? Потом старик повернулся лицом к Горе, низко поклонился ей и начал подъём по стене, которая тусклым зеленоватым монолитом уходила вверх, к самому небу.

— Красиво идёт, — направил на стену Стёпка объектив видеокамеры.

— Ага! Прямо как нас в альплагере учили.

— Снимай давай! — бросил Юра и тоже начал подъём.

Связанные верёвкой, шли они со стариком одновременно. Потом склон стал круче. Старик организовал первую страховочную станцию из двух ледобуров, Юра подошёл и начал его страховать.

Ветер стих и теперь лишь слегка покачивал верёвки, на которые альпинисты нанизаны, как поплавки на леску, да сыпал на каску жёсткую ледяную крошку. Изредка Старик поглядывал вниз, чтобы убедиться, что с напарником всё в порядке. Ужасно мешали лыжи за спиной. Несклько раз даже возникало искушение бросить

их с высоты вслед за карабином, который Юра нечаянно упустил, и тот, кувыркаясь, с грохотом канул в бездну. Подъём занял несколько часов. Только теперь Юра начинал до конца понимать, во что ввязался и других втянул, насколько это опасно — подниматься по ледяной отвесной стене над полукилометровой пропастью. А ведь потом надо будет ещё как-то спуститься...

Но час триумфа близился, и его предвкушение подстёгивало юношу, не давало расслабиться, вселяло какую-то бесшабашную смелость.

Наконец восходители оказались на крохотной площадке, о которой говорил Старик. За каменным выступом, торчащим над головами, ветра совсем не ощущалось. Зато солнце, как по заказу пробившееся к этому моменту из-за облаков, залило ярким светом всё вокруг. Снег на вершинах заискрился так, что стало больно глазам. Как на ладони лежала долина, куда предстояло спуститься. Красотища невероятная!

Юра достал из-за спины лыжи.

— Не передумал? — опять задал тот же вопрос Старик, вперив в Юрку взгляд.

В ответ Юрка помотал головой:

— Лучше сожалеть о сделанном, чем о несделанном!

Сердце начало бешено колотиться. Старик привязал лыжи, чтобы не укатились раньше времени, к крюку на стене, придержал их, пока Юра пристегивал крепления, закурил. Убедившись, что всё готово, что напарник в очках и каске стоит на старте и от нетерпения уже бьёт копытами, острым ножом перерезал верёвки, удерживающие лыжи на склоне.

И человек полетел. Очень круто! Лыжи колотились о бугры и наросты. Прямо понеслась скала, а сверху-то казалось, что она значительно дальше! Развернулся в прыжке, закладывая вираж. Здорово! Выкатился на заснеженный участок. Рыхлый снег вздыбился над юношей облаком, потом начал струиться вниз небольшой лавинкой, в которую устремился флаер. Летел внутри снежного облака. Он сам облако! Облако в штанах! Чёрт, какие только мысли не приходят в голову! Но вот снежное поле кончилось, опять лёд — отличная трасса. Но крутовато-о-оо! Серд-

це замерло от восторга и ужаса. Лыжи выписывали красивые дуги, канты звучно резали лёд. Завидуя самому себе, Юрка лете-ел!

Спуск оттуда, куда поднимались несколько часов, занял всего несколько минут. Вот они, Стёпка с Мишкой, машут Юрке руками. Он наконец остановился и отдышался.

— Ну как, засняли? — Обнял Юра друзей.

— А то! Здорово вышло! Классное кино получится!

Мишка достал откуда-то красивую бутылку, разлил коньяк по крошечным металлическим стаканчикам.

— С днём рождения, Юрка! Ты молодец! Ты сделал это!

Выпили. Мишка налил ещё по одной:

— А знаешь, Юра, я ведь на самом деле струсил. Прямо всё внутри задрожало, а признаться стыдно было и вас подводить... А старик этот... Он как-то почувствовал, что ли...

— Да ладно ты! Всё хорошо, что хорошо кончается! Давайте выпьем за это!

— А, кстати, как там старик-то? Один на стене. Ну-ка, дай сюда видеокамеру. Как тут увеличить? — спросил Юрий Степана. — А почему мельтешит так?

— Это у тебя руки дрожат! Со штатива надо — дед и то знает!

Навели камеру на стену, поймали в объектив Старика.

— Чёрт! Красиво работает! Ни одного лишнего движения! — опять восхитился Юрий.

Старик чётко и уверенно работал на склоне. Вот он, спустившись до конца верёвки, ловко вкрутил ледобур и, пристегнувшись к нему на самостраховку, быстро сдёрнул верёвку, на которой только что висел. Её конец змеёй скользнул вниз, потом старик снова поднял её, вкрутил в лёд самосброс, перестегнулся и вновь продолжил спуск.

— Сколько раз еще придётся перестегиваться? — спросил Мишка.

— Раз десять-двенадцать, не меньше.

На последнем участке стены, где она заметно выполаживалась⁵, задержался снег из спущенной лавинки. Старик окинул взглядом эту снежную горку, потом попросту сел на неё, широко расставив ноги, и начал катиться вниз на

пятой точке. Рыхлый снег не позволял ему разогнаться слишком сильно.

Юрий широко улыбнулся: так ловко использовать сложившуюся ситуацию мог только настоящий профессионал! Если снега мало — одни уши донизу доедут!

Старик стряхнул с себя снег, и ребята протянули ему коньяк. Он чокнулся со всеми, глядя в упор на Юрия, залпом выпил, затем повернулся, буркнув, что ему пора, и направился было в сторону базы. Юрка поспешно кинулся его задержать, на ходу благодаря, уговаривая остаться. Старик остановился, достал из рюкзака небольшой свёрток и произнёс:

— Это тебе! Потом посмотришь! Прощай! — Сунул он сверток Юрке в руки и стремительно направился прочь.

— Эй!!! Куда же вы?! — закричал Юрий, которому хотелось отпраздновать свою победу вместе с человеком, без которого она вряд ли бы состоялась. — Продолжение банкета гарантирую!

Старик обернулся, махнул рукой. В этот момент показалось, что под его белыми косматыми бровями в уголках глаз что-то блеснуло. Но он тут же отвернулся и снова быстро зашагал прочь.

Вечером праздновали день рождения Юрия и его триумф вместе со спасателями. Ребята шумно радовались, хлопали по плечу, подливали спирт в пластиковую кружку именинника:

— За тебя, Юрка!

— А я что, давайте лучше за моих друзей выпьем. Без них я бы не решился...

— Да, друзья у тебя что надо!

— С самого детства вместе! — гордо ответил Юра, ставя свою кружку на деревянный стол, покрытый старой клеенкой.

Мишка вдруг выскочил за дверь и тут же вернулся с пакетом, из которого высыпал в миску крупные ягоды неизвестно где добытой зимой, ароматной, как в июле, клубники.

— Вот, чуть не забыл. Это тебе. Помнишь, как к Юсупихе в огород лазили?

— Да, было дело, — засмеялся Юрий. — Но откуда?..

— Да не важно! Давайте выпьем за дружбу!

⁵ Выполаживание — снижение наклонной плоскости.

Выпили, а потом все с наслаждением ели сочные красные ягоды, такие неожиданные здесь — выше зоны леса, где вокруг только белый снег да чёрные камни.

— Жалко, Старик не остался! — задумчиво сказал Юрий, присаживаясь на старый, но еще крепкий табурет.

— Угу! А кстати, когда на гору поднялись, погода какая была? — спросил кто-то из спасателей.

— Хорошая! Солнце слепило! — первым ответил Мишка.

— А до этого?

— До этого — тучи, ветер...

— Вот! — возбуждённо воскликнул спасатель.

— Заметьте: когда Белый Старик на маршруте, всегда светит солнце, даже если до этого неделю пурга была!

— Ну уж это из разряда мистики! — смеясь, сказал сосед по столу и по-отечески хлопнул его по плечу.

Потом опять говорили о странном проводнике, ещё немного выпили. Вскоре глаза начали слипаться, и Юрий, уговорившись со Стёпкой и Мишкой, во сколько завтра подъём, отправился спать.

* * *

Когда Старик пробирался по заснеженной долине, лесу к своей одинокой хижине, у него вырвались наружу слёзы. В голове одна за другой мелькали мысли: «Сын... Сынок мой, Юрка, родной! Не думал уже, что увижу... Кое-как удержался, чуть не кинулся на шею, прости, мол, я твой отец...Тьфу! Театральщина какая...Что же делать? Старик Белый всю жизнь поломал, проклятый...»

В который раз начала разматываться плёнка воспоминаний...

Вот он, тогда еще не Старик, на первой вершине Горы, к которой шёл с самого детства. Опять царпнуло разочарование — пустота внутри. Темнело, надо спускаться, спешить за вертолёт — спасать этого... искателя страны бессмертия. Да, Колю жалко... Не попал Коля на вершину. Потом — долгий путь по гребню. Все уже устали, бредут, еле передвигая ноги.

Шпигель вспомнил, как туго была натянута верёвка между ним и вторым в связке, Данилой. Он буквально тащил их, пёр в Гору, а они...

— Притормози, Витька! — заорал тогда Серёга. «Почему тогда не остановился?» — в который раз Шпигель задавал себе этот вопрос.

— Не гони! Сердце уже под мышками... — хрипел Данила.

А он...

Шпигель поморщился, вспомнив, как тогда обернулся к ребятам, обложил матом. Вторая, самая высокая, вершина уже рядом, через каких-нибудь тридцать-сорок метров, какого чёрта тормозили? Опять что было сил натянул верёвку, раздражаясь и злясь, что они мешали его приближению к такой уже близкой заветной цели. Шагнув на карниз, почти на автомате прошёл по нему. Ещё раз оглянулся. Виктор не увидел в темноте, а будто почувствовал, что Данила стравил слишком много верёвки, слишком сильно отстал от него и почти вплотную приблизился к Серёге. Они сбились на том конце верёвки в кучу, это неправильно, опасно... Карниз может не выдержать двоих!

Страшное предчувствие остановило Шпигеля, заставило прыгнуть в противоположную от карниза сторону и рвануть вниз по склону. Быстрее, дальше — создать противовес!

— Пах! — трещина со вздохом разрешила карниз.

Не выдержав тяжести двух здоровых мужиков, он начал оседать — сначала медленно, будто ступеньками, потом, стронув со склона скопившиеся там тонны снега, карниз превратился в лавину, устремившуюся вниз со всё возрастающей скоростью. Два человеческих тела, увлекаемые горами снега, летели в бездну. Сильный рывок опрокинул Виктора на спину.

— Данила! — заорал Шпигель, пытаясь перевернуться.

За первым тут же последовал второй рывок — завис на верёвке Серёга. Лежащего на спине Шпигеля потащило вверх — ему не перевесить, не удержать двоих! Теперь уже не он их, а они, вдвоём повиснув над пропастью и раскачиваясь маятником вдоль склона, тащили его на верёвке за собой. Шпигель извивался, упирался всем телом, ободранными в кровь руками хватался за выступы, цеплялся ногами. Его неу-

держимо тащило в бездну. «Конец!» — подумал Шпигель. Но тут что-то сильно ударило его по каске, и движение прекратилось. «Лопнула верёвка!» — сразу догадался Шпигель. Он схватился за неё, в руках — двухметровый обрывок с собранной в гармошку оплёткой, из которой торчали неровные нити сердцевины. «О камни перетёрло!» — понял Шпигель. Виктор перевернулся на живот, подполз к самому краю. Заглянул вниз. Там всё гудела и клубилась, завершая свой страшный путь, лавина. Раскатистый гул умножало и повторяло эхо.

Шпигель заскрипел зубами. Опять, как и двадцать лет назад, возникло болезненное осознание необратимости случившегося. Ох, если бы можно было перемотать плёнку событий назад...

За тягостными воспоминаниями он сам не заметил, как добрался до своего жилища. Вот и дом — охотничья избушка, где в одиночестве жил Шпигель последние годы. Виктор разделся, зажёл керосинку, сел за стол, уронив голову на руки. Воспоминания не отпускали.

Он не мог сказать, сколько времени пролежал тогда на краю бездны, поглотившей его племянника и друга, не помнил, как взошёл на ту, главную, вершину. Осталось только в памяти, как сидел там, обхватив голову руками и расклевываясь, совсем как тот бомжеватый искатель земного рая. «А чем я, собственно, лучше его? Чего искал я? Тот хотя бы распоряжался только одной своей жизнью», — эти вопросы не давали покоя.

Из забытья его вывел тогда звон колокольчика, установленного на вершине. До этого молчавший и поэтому остававшийся незамеченным, колокольчик вдруг зазвенел. Это поднимающийся ветер тронул его, сначала легонько, потом всё сильнее — звук стал усиливаться, пока не превратился в яростный колокольный звон, который, казалось, призывал к чему-то. С поверхности поднялось снежное облачко, оно закружилось вокруг колокольчика и, быстро увеличиваясь в размерах, зазмеилось вниз. Шпигель поднялся и на автомате пошёл вниз по гребню, нигде больше не задерживаясь. Даже на третьей вершине не стал останавливаться, равнодушно прошагал дальше.

До спасателей он добрался уже под утро. Уже вовсю валил снег. Из-за непогоды вертолёт смог вылететь только после обеда, когда на улице немного прояснилось. Шпигель тоже полетел со спасателями.

Ещё из окна вертолёта Виктор увидел заснеженную сорванную ветром палатку и копошившегося рядом человека, который из последних сил пытался махать чем-то, привлекая к себе внимание.

В кадре воспоминаний появилось крупным планом лицо Николая, по обмороженным щекам его катились слёзы.

— Витя, друг, ты спас меня... А я вот... — как будто извинялся Коля, потом оглянулся, махнул рукой. — Этот совсем плох...

Искатель Шамбалы был в забытии, но ещё дышал.

Да, Коля... Коля — настоящий герой. Спасая того, бомжеватого, Николай, поборов в себе брезгливость, уложил его рядом с собой в спальник, а потом кормил таблетками и грел всё это время своим телом только с одной мыслью — не дать замёрзнуть, продержаться до утра, ещё хоть сколько-нибудь продержаться...

Виктор встал из-за стола, разжёл печку, поставил чайник, закурил.

После пережитого на той Горе он сильно запил. Не решаясь вернуться в город, посмотреть в глаза своей сестре, Даниловой матери, и родным Серёги, он жил какое-то время здесь же, в базовом лагере. Потом приехала жена. Звала, уговаривала. Он не хотел никого видеть. Даже жену. Он мог только пить, накачиваться спиртом до беспамятства, до омерзения к самому себе. Потом он узнал, что жена умерла, говорили, слегла от горя, когда он прогнал ее... Жизнь вообще потеряла всякий смысл. Он не мог видеть никого из живых, когда эти умерли по его вине. Шпигель умер тогда вместе с ними. Он ушёл в монастырь. Прожил там пять лет, пытаюсь вымолить прощение.

Виктор снял с плиты закипевший чайник, налил в кружку покрепче. Его знобило.

А потом Белый Старик опять позвал его. Шпигель вспомнил, как овладело им в монастыре странное беспокойство, с какой страшной силой потянуло его опять сюда. Он вернулся. Здесь его уже и не помнили. Людская память короткая... Устроился работать в заповедник неподалёку от спасательной станции и остался здесь навсегда.

«А теперь я сам Белый Старик. Как произошло, что я сам стал тем из легенды? Белый Старик... Хранитель Камня... Какого, чёрт подери, камня? Что я тут охраняю? Жизнь прошла мимо... Теперь вон Юрка, сын, появился здесь... Это что у нас, семейное наваждение — бежать на зов Белого Старика? Мистика какая-то! Да-а, всё повторяется!» — думал Виктор, согревая ладони горячей кружкой. Шпигель отхлебнул.

«Но Юрка-то каков? Молодец! Орёл! Хочу, говорит, скатиться с Горы на лыжах — и скатился!» Шпигель довольно заулыбался: «А что, шустрый парнишка получился!» И тут же спохватился, злясь на самого себя: «А какое ты, старый козёл, имеешь к нему отношение? Может, ты водил сына в школу, держа маленькую ладонку в руке? Может, это ты научил его стоять на лыжах, держать ледоруб? Ты даже не знаешь, до скольких лет он писал в постель, не знаешь, рос ли он хулиганом или пай-мальчиком. Ничего не знаешь...» Шпигель мучительно старался подобрать слова, объясняющие, что он делал последние двадцать... Нет, пожалуй, все тридцать — ведь, когда он так успешно покорял вершину за вершиной, дети как-то росли без него. Нужные слова на ум не приходили...

Перед глазами возникла его жена. Обычно робкая, однажды она взбунтовалась: «Не пущу! Хоть раз можешь не уезжать? С детьми побыть! Жена я или кто — всё одна и одна». Плача, жена повалилась тогда перед ним на колени. А он поднял её, усадил на стул и уехал.

«Ох! Как стыдно! И больно!» — эти слова он сдавленно произнёс вслух. Опять закурил.

«До сих пор больно!»

Глубоко затянувшись, Шпигель поперхнулся дымом и сильно закашлялся.

«Да... Не зря Юрка спросил, почему меня прозвали Зеркальным Дедом. В самую точку попал! Я ведь и не живу вовсе. Так... Гору отра-

жаю. На Горе солнце — и мне хорошо, Гора запуржит, завьюжит — и я в своей норе прячусь, носа не высовываю. Просто изучил я её от и до — Гору-то. А народ думает, что я умею погоду на Горе делать, колдуном меня считает», — поток мыслей по-прежнему не отпускал Виктора.

«А ведь я даже не спросил, есть ли у него жена, дети... Его дети — это ведь мои внуки...» — встрепенулся Шпигель и тут же поймал себя на том, что ему вдруг до одури захотелось увидиться ещё раз с сыном, порасспросить его обо всём, предостеречь, чтобы тот не мотался по горам, не воображал себя этаким Белым Стариком, которому всё подвластно, всё нипочём, а чтобы любил свою женщину, дорожил семьёй.

Виктор заметался по комнате, собирая нехитрые пожитки, лихорадочно запикивая их в рюкзак. «Успею. Должен успеть. Он только завтра утром выйдет от спасателей. А сегодня они день рождения празднуют... Юрка! Мальчик! Простишь ли ты меня когда-нибудь? А, всё равно!... Не могу больше здесь! Уеду с Юркой!»

Шпигель выскочил из избушки, достал старую лестницу, приставил к ветвистой сосне. Там, в её кроне высоко над землёй, в лабазе, Шпигель хранил съестные припасы и оставлял наиболее ценные вещи, когда уходил в горы или тайгу надолго. Сейчас, собираясь навсегда покинуть это место, он хотел достать ружьё и видеокамеру, сохранившуюся ещё с тех времён. Видеокассеты со своими старыми фильмами он передал сыну вчера, думая, что больше с ним не увидится... В подарок на день рождения... Виктор быстро поднялся по лестнице, начал открывать дверцу лабаза. Верхняя ступенька вдруг с треском подломилась, Шпигель взмахнул руками, но не удержал равновесия и навзничь упал на землю. Попытался встать, но не смог и пошевелиться.

— Белый Старик... Отпусти меня, — устало прохрипел он.

Его взгляд устремился в небо, окинул белые облака, напоминающие то ли дракона, то ли парящую над Горой громадную птицу, и с обречённым пониманием остановился.

* * *

Несмотря на вчерашнюю попойку у спасателей, встали рано. Всем не терпелось скорее попасть домой: Стёпкина жена дохаживала последние месяцы, Мишку ждала девушка, с которой он недавно начал встречаться, да и Юрий уже предвкушал встречу...

В электричке развернул свёрток, подаренный странным стариком. Там оказались три видеокассеты.

— Какой архаизм! Или анахронизм? Всегда путаю... — воскликнул Степан. — Короче, сейчас уже все на дисках пишут!

— Да ладно! У Катиных родителей есть видеоплеер, посмотрим, — ответил Юрий, пытаясь прочитать названия.

На одной кассете было написано «Памир», на другой надпись затерта так, что ничего нельзя разобрать, а третья называлась «Гора, или Белый Старик».

— Интересно, — сказал Мишка, — позовёшь смотреть?

— Конечно! Прямо завтра и приходите со своими благоверными. Заодно и привальную сделаем!

Был вечер, когда, радостно перепрыгивая через ступеньки, Юрий подбежал к двери своей квартиры, вставил ключ в замочную скважину. В комнате никого не было, зато из ванной доносился счастливый смех и плеск воды. Быстро сбросив рюкзак, путешественник осторожно потянул ручку двери.

— Папа! — сказала годовалая дочка.

Жена обернулась, обняла Юрия мокрыми руками.

— Папа! — протянула ручонки Настя.

Катя отстранилась, завернула дочь в полотенце и подала мужу тёплый душистый свёрток.

Дочь провела крохотным пальчиком по его щеке, покрытой рыжей щетиной.

— Ссётка, — сказала она.

— Что она говорит? — не понял отец.

— Эх, доченька, папка твой даже не понимает, что ты говоришь! Она говорит щётка, да, дочь? — засмеялась жена.

— О! Как же я вас люблю! — задохнулся Юрий, обнимая обеих.

□

Татьяна ЮРИНА

(настоящее имя Полуянова Татьяна Викторовна).

Прозаик.

Окончила Новокузнецкий педагогический институт.

Первый ее рассказ был опубликован в 1998 году.

Вернулась к литературному творчеству спустя 12 лет, пишет прозу.

Лауреат международного конкурса

малой прозы «Белая скрижаль» (2010).

Живет в Новокузнецке.

В журнале «Север» публикуется впервые.

